

*И. В. Матвеева, Ю. Н. Зинцова, С. Н. Саможенов*

**ПРОБЛЕМА НОМИНАЦИИ РЕЧЕВЫХ СУБЪЕКТОВ  
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАРРАТОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ  
«ЗЕРКАЛЬНОЙ НОВЕЛЛЫ» И. АЙХИНГЕР)**

*Нижегородский государственный лингвистический университет  
им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия*

**Аннотация.** Коммуникативно-прагматический потенциал поля персональности рассматривается в данной статье через призму художественного произведения «Зеркальная новелла» австрийской писательницы И. Айхингер. Анализ приемов автора для передачи авторского отношения к событиям и героям позволяет утверждать, что коммуникативное пространство в новелле раскрывается за счет зеркальной символики. Анализ видов зеркал и их физических свойств позволяет наблюдать следующие коммуникативные роли: сфера говорящего представлена личным местоимением *ich*, а также местоимениями *du*, *ihr* в их вторичной номинации. Анализ коммуникативно-прагматического потенциала «я»-субъекта в нарративном контексте показал возможности единиц функционально-семантического поля персональности выражать отношение субъекта речи к субъектам коммуникативной ситуации. Таким образом, адресант в процессе интеракции способен эксплицировать переносные смыслы. Эти транспозиции коммуникативных местоименных форм не только выполняют смыслонесущую функцию, но и позволяют отразить новые неожиданные коннотации как интерактивные отношения конкретных коммуникантов: включение местоимения не по его лингвистической сущности, не по морфологическому признаку, не по функциональному признаку, где он может или не может быть субъектом, а по признаку коммуникации. Все это свидетельствует о полисемантической такой философской модели коммуникации, в которой присутствуют не только эмитент, реципиент и не-участник коммуникации, но еще и наадресат.

**Ключевые слова:** категория персональности, функционально-семантическое поле, персональность, интеракция, зеркальная символика.

*I. V. Matveeva, Yu. N. Zintsova, S. N. Samozhenov*

**THE PROBLEM OF NOMINATION OF THE SUBJECTS OF SPEECH  
THROUGH NARRATOLOGY PRISM  
(ON THE MATERIAL FROM “MIRROR STORY” BY ILSE AICHINGER)**

*Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia*

**Abstract.** This article deals with the communicative-pragmatic potential of the field of the personality through the prism of the literary work “Mirror Story” by the Austrian authoress I. Aichinger. The communicative space in the novel is revealed through mirror symbolism. The distribution of roles between the participants in the communicative process occurs precisely through the mirror perspective. The speaker’s sphere is represented by the personal pronoun *ich*, as well as by the pronouns *du*, *ihr* in their secondary nomination. The analysis of the communicative-pragmatic potential of the “I”-subject in a narrative context showed the ability of the units of the functional-semantic field of the personality to express the attitude of the subject of speech to the subjects of the communicative situation. In this way the speaker in the process of interaction can “take the role of another” and assume how he was perceived by a recipient. These transpositions of communicative pronoun forms have not only new meaning, but also allow us to reflect new unexpected connotations, like the interactive relations of specific communicants. All this indicate the polysemancy of such a philosophical model of communication, in which not only the speaker, recipient and non-participant in communication are present, but also the over-recipient.

**Keywords:** *category of personality, functional-semantic field, personality, interaction, mirror symbolism.*

**Введение.** В свете антропоцентрической грамматики категория личности или категория коммуникативных ролей рассматривается как многоаспектное множество языковых единиц, характеризующееся полевой структурой. В центре внимания оказываются определенный тип ситуации и конкретные участники коммуникативного акта со всей динамикой взаимоотношений. Прагматическая и дейктическая плоскость создается «я»-субъектом, репрезентируя комбинации коммуникативных ролей. Когнитивное представление о «я»-субъекте непосредственно отражается в языковом сознании, которое определяет использование «я»-субъекта в процессе речевого поведения» [14], [9], [5], [7]. В связи с тем что элементы поля эксплицируются в литературном произведении как факт автокоммуникации, основной целью данного исследования является определение роли единиц функционально-семантического поля личности через призму эгоференции, изучение особенностей семантизации «я»-субъекта в нарратологическом контексте, где «Я» выступает тем личностным центром, который, абсорбируя окружающую действительность, эгоориентирует ее, наделяя высшим смыслом функционирование и взаимодействие фаз развития языка и мышления.

**Актуальность исследуемой проблемы.** Проблематика функционально-семантического поля личности затрагивает актуальный вопрос ситуативно-коммуникативной обусловленности реализации языковых единиц. Язык как средство коммуникативного воздействия рассматривает вопросы речевого общения, обуславливает привилегированную позицию говорящего и слушающего, которые связаны личностным отношением, ситуацией общения и контекстом [2], [12], [13]. В этой связи актуальным представляется рассмотрение коммуникативно-прагматического потенциала «я»-субъекта в литературном произведении для определения способности единиц поля личности выражать отношение субъекта речи к субъектам ситуации описания [3].

Для анализа актуализаторов категории личности обратимся к ее описанию через коммуникативные пространства. Материалом для исследования послужил текст художественного произведения «Зеркальная новелла» («Spiegelgeschichte») австрийской писательницы И. Айхингер (Aichinger). Выбор данного автора обусловлен глубоким проникновением писательницы во внутренний мир персонажа и многогранным психологическим взглядом на человеческую природу. Новизна «Зеркальной новеллы» заключается не в материале, лежащем в ее основе, а в проблеме номинации речевых субъектов. Данная проблема приобретает актуальность в нарратологическом контексте и при учете специфики творчества австрийской писательницы Ильзы Айхингер, которое является насквозь автобиографичным.

**Материал и методы исследования.** Выбор методов и приемов лингвистического анализа материала в системе языка предопределен особенностями материала статьи. В этой связи использовался метод трансформации для определения функциональных возможностей единиц функционально-семантического поля личности, план выражения которого составляют личные местоимения; метод описания и обобщения – для последовательного анализа этих единиц с точки зрения их структуры, а также нарратологический метод для интерпретации глубинной структуры рассматриваемого произведения и выявления взаимосвязи рассказчика и читателя.

**Результаты исследования и их обсуждение.** В результате проведенного исследования были описаны возможности зеркала, которое является стержневым компонентом нарративной структуры «Зеркальной новеллы» И. Айхингер как некоторого оптического объекта в качестве знака или символа. В лингвистике зеркало рассматривается как феномен

семиотики культуры, что вводит необходимость контекста (проблемы симметрии, логики возможных миров). Зеркало в большинстве случаев выступает как граница семиотической организации и рубеж между «нашим» и «чужим» мирами (при любом заполнении, от «я – ты» до «досмертие – посмертие»). Зеркало оказывается в истории культуры семиотическим механизмом описания чужой структуры, поэтому оно так подходит для логических игр и мифологических построений.

Простейшие зеркальные эффекты и модификации зеркала раскрывают его семиотическое многообразие.

Зеркало, с одной стороны, отражает действительность, с другой – ее преобразует. В нем левое становится правым и наоборот, происходит смена внешнего и внутреннего (находящееся за спиной оказывается перед глазами). Зеркальная реальность образует симметричное дополнение к внезеркальной реальности. А если само зеркало как оптический объект модифицировано (тусклое зеркало; прозрачное зеркало, т. е. попросту стекло в определенных оптических условиях; вогнутое или выпуклое, т. е. неровное, кривое), то и мир, отраженный в нем, становится искаженным [6].

Определенные семиотические потенции заключены в том, что зеркало репрезентирует пространство, включая в поле зрения ту его область, которая находится «за спиной» наблюдателя, иными словами, обеспечивает целостный обзор «места действия» [10], [6], [8].

Таким образом, зеркало, как простое, так и необычное, – это своего рода символ некоторых семантических принципов текстопорождения и одновременно текстопорождающий механизм, метафора такого фундаментального лингвистического понятия, как предикат, или пропозициональная функция. Эта функция определена на некотором множестве миров, задаваемых дейктической координатой времени говорения. При этом «отражается» не столько мир, сколько референтно тождественные индивиды. Зеркало – это метафора для семантического механизма, который соотносит индивидуумов из различных миров, а не просто выделяет их [4].

Зеркало может задать определенные дейктические координаты. Подобно местоимению «я», которое обозначает того, кто говорит «я», оно показывает всякий раз того, кого «я» хочу увидеть. Само по себе обычное зеркало и ведет себя как местоимение «я», показывая того, кто в него смотрит. Но это, так сказать, иное «я» – «я-двойник», «я в ином мире», «я со стороны», а последнее «я» (здесь контекстные координаты смещаются) – это уже «он» [4]. В данном контексте феномен зеркала тесно связан с пониманием категории «другого», «внезаходимости» [1]. М. М. Бахтин рассматривает зеркало как средство самообъективации, которое таким образом делает возможным осмысление самого себя. Категория «другого» выступает в качестве двойника истинного «я» и превращает в объекты собственного видения других. Таким образом, М. М. Бахтиным был разработан диалогический контекст «зеркальности». Здесь имеет место трактовка зеркала как области схождения «своего» и «чужого» взглядов, сознаний, слов.

История обычной непримечательной жизни героини «Зеркальной новеллы» И. Айхингер, рассказанная сухо, лаконично и отстраненно, превращается под пером писателя в параболу человеческого существования. Действие изымается из исторической конкретности: место действия – какой-то портовый город, время – неопределенно очерченная современность. Действующие лица живут и поступают, как большинство в подобных обстоятельствах. В сжатом, «плотном» тексте особое воздействие оказывают немногие эпитеты, превращающиеся в символы: зеленое небо, заброшенный дом, желтые цветы, засиженное мухами зеркало. Традиционно зеркало всегда считалось символом познания, его поэтическим топосом. В рассказе оно выступает как «тусклое зеркало», зеркало, «засиженное мухами», висящее в камерке старухи-повитухи. Именно в нем видит себя умирающая и вновь переживает любовь и надежду. Это составляет глубинный смысл рассказа,

который автор вскрывает посредством демонстрации жизни, кажущейся столь обычной. Собственно рассказ повествует о жестокой необратимости времени, проявляющейся в жестокости фактов этой истории, фактов, выступающих в качестве слепой, неумолимой последовательности. Можно ли повернуть время вспять, можно ли – пусть ценой жизни – понять значение того, для чего ты был на земле? Автор дает героине такую возможность с помощью приема отчуждения: писательница «переворачивает» сам принцип «причина – следствие» и начинает повествование с конца, с агонии и смерти героини. В короткие предсмертные мгновения перед ней проходит жизнь, как кадры какого-то фильма, поставленного с конца, «наоборот», как отражение, увиденное в зеркале: смерть, роковой приход к старухе, возлюбленный, дающий ей адрес, любовные встречи с ним, их знакомство, школа, детство, смерть матери, момент прихода в мир, совпадающий с ее фактической смертью. Она словно смотрится в зеркало, но это уже не то «тусклое» зеркало. Истина, открывающаяся перед лицом конца, по-иному высвечивает мотивы действий и поступков. Только теперь можно увидеть сокровенный смысл, спрятанный под оболочкой повседневной жизни («тусклого» зеркала). Живые, наблюдающие за агонией, комментируют видения героини. Этот «посюсторонний» комментарий «посторонних» оспаривает умирающая в своем «потустороннем» истолковании. Смерть не рассматривается как умирание, напротив, конец является исходным пунктом нового начала. Заключительное предложение рассказа, следующее за констатацией ее физической смерти, – «Замолчите. Дайте ей сказать».

Коммуникативное пространство в «Зеркальной новелле» И. Айхингер раскрывается за счет зеркальной символики, поскольку действительность нарратора непосредственно связана с зеркалом. Сфера говорящего в данном рассказе представлена личным местоимением *ich*, а также местоимениями *du* и *ihr* в их вторичной номинации.

Личное местоимение 1-го лица единственного числа *ich* представлено в контексте прямой речи, где отражает непосредственно адресанта высказывания, т. е. является субъектом речи и субъектом ситуации описания:

*Mach mir mein Kind wieder lebendig!* [11].

*Mach es lebendig, sonst stoß ich deine gelben Blumen um, sonst kratz ich dir die Augen aus, sonst reiß ich deine Fenster auf und schrei über die Gasse, damit sie hören müssen, was sie wissen, ich schrei* [11].

Рассматривая данные высказывания с точки зрения употребления прямой речи в контексте авторского высказывания, можно говорить о сохранении данными высказываниями своего предметного содержания.

Все произведение построено на выражении аукториального повествователя через личное местоимение 2-го лица *du*. Однако во многих эпизодах затруднительно провести четкую границу между аукториальным и личным повествованием, поскольку форма *du* по своей природе носит особого рода авторский характер. Рассказчику знакомы мысли и чувства не только главной героини, но и всех действующих персонажей произведения. Единственное различие между классическим аукториальным повествователем и нарратором «Зеркальной новеллы» заключается в том, что второй старается ввести в происходящее не читателя, а протагониста. Грамматическая позиция местоимения *du* является посредником между 1-м и 2-м лицом единственного числа, реализуя следующим образом широкий спектр возможностей. Требование как можно скорее покинуть кровать, чтобы оставить смерть позади, направлено к протагонисту, однако в то же время может быть адресовано реципиенту. События изложены в форме внутреннего диалога, диалога между «я» и «не-я», который отражен в зеркале, который играет роль своего рода обращения к читателю (*du-Anrede*). Этот диалог проходит через весь текст. Повествование начинается с прямого обращения, но адресат не упоминается. Создается впечатление, что рассказчик

обращается к читателю. Здесь зеркалом является сама суть повествования. Через сокрытие партнера по диалогу создается напряженность и в то же время особый момент отчуждения, который характерен для многих произведений И. Айхингер. Создается впечатление, что рассказчик обращается к читателю. Однако чем дальше развивается сюжет, тем яснее проявляется фактический главный герой произведения. Если говорить о главной героине рассказа «Зеркальная новелла», то здесь речь идет о говорящем *Ich*, которое движется в обратном направлении, обращаясь к своему зеркальному отражению во втором лице:

*Und eh du schreist, weißt du das Wiegenlied: Schlaf, Kindlein, schlaf!* [11].

*Und eh du schreist, stürzt dich der Spiegel die finsternen Treppen wieder hinab und läßt dich gehen, laufen läßt er dich* [11].

Личное местоимение 2-го лица множественного числа *ihr* может включать в себя значения местоимения 2-го лица единственного числа *du* и местоимения 3-го лица множественного числа *sie*:

*Das Kind legt beide Hände über die Augen und schaut euch böse an* [11].

Данная точка зрения подтверждается с помощью трансформационного анализа:

*Das Kind legt beide Hände über die Augen und schaut dich und die Menschen im Wagen böse an.*

Данное местоимение может также объединять в себе значения местоимения 2-го лица единственного числа *du* и 3-го лица единственного числа *er*:

«Aber ihr seid sehr fröhlich in diesem letzten Licht» [10].

Трансформационный анализ позволил выявить значение местоимения *ihr* в данном контексте:

*Aber du und er sind sehr fröhlich in diesem letzten Licht.*

Однако в представленной иллюстрации местоимение *ihr* является продолжением сферы реализации местоимения *du* во вторичной номинации. В обоих вариантах в семантику местоимения *ihr* включено значение местоимения *du* как «я»-субъекта.

Таким образом, за каждым случаем употребления антропоцентрических местоимений в «Зеркальной новелле» стоит установка говорящего на себя, и зеркало является способом выражения позиций говорящего, эго-презентации. Говорящий представляет собой определенную языковую личность, реализующую в речевом акте определенное коммуникативное намерение с установкой на тот компонент высказывания, который представляется «я»-субъекту в данном контексте наиболее важным.

**Выводы.** Обращение к художественному произведению с точки зрения лингвистики текста обусловлено пониманием его смысловой структуры через соотношение с внетекстовой действительностью.

1. В тексте И. Айхингер речь идет о магическом «слепом» зеркале, которое не просто отражает действительность, но искажает ее. Через призму зеркала реальный порядок вещей в мире и языке осмысливается иначе.

2. И. Айхингер использует прямую речь с целью поддержания лексических, интонационных, грамматических особенностей передаваемой речи, демонстрируя при этом его пропозициональное содержание в исходном виде.

3. С первого предложения сюжет вращается не только вокруг протагониста, но также в «Зеркальной новелле» имеет место непосредственное обращение к каждому потенциальному реципиенту. Первое лицо заменяется вторым для осуществления диалога как с самим собой (автор в качестве собеседника), так и с читателем (читатель в качестве адресата) или с самой героиней произведения (герой как адресат). В этом контексте рассказчик выступает в роли стороннего наблюдателя. Зеркальной является и такая грань автора: он не остается равнодушным к изложенному, высказывает свою точку зрения, дает

комментарий. Подобным образом можно охарактеризовать субъектного наблюдателя, принимающего активное участие в процессе рассказа, отражения субъектной действительности и других героев.

4. Референциальное смещение лиц, выраженное местоимениями, обусловлено потребностями контекста, на основании которого была выявлена следующая специфика: во-первых, наличие или отсутствие субъекта, объекта и адресата речи в поверхностной синтаксической структуре высказывания; во-вторых, субъекта, объекта, адресата речи в глубинной синтаксической структуре предложения.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 60-х – 70-х гг. // Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. – М. : Русское слово, 2002. – 799 с.
2. Деркач А. В., Каразия Н. А., Кузнецов В. В., Плисов Е. В., Федоров В. В., Хохлова И. Н. Текст как социокультурный феномен. – Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2014. – 216 с.
3. Зинцова Ю. Н., Голубева Н. А. Социокультурный подход к оценке функционального потенциала текста // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2015. – № 31. – С. 239–242.
4. Золян С. Т. «Свет мой, зеркальце, скажи ...» (к семиотике волшебного зеркала) // Зеркало. Семиотика зеркальности. Вып. 831. – Тарту : Тартуский государственный университет, 1988. – С. 32–44.
5. Кузьмичева А. А., Матвеева И. В. Интеракция между партнерами речевого действия в коммуникативном пространстве современного немецкого языка // Казанская наука. – 2017. – № 2. – С. 47–49.
6. Левин Ю. И. Зеркало как потенциальный семиотический объект // Зеркало. Семиотика зеркальности. Вып. 831. – Тарту : Тартуский государственный университет, 1988. – С. 6–24.
7. Матвеева И. В., Саможенов С. Н. Функционально-семантическое поле лица в современном немецком языке // Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Н. Новгород, 2019. – С. 78–81.
8. Шатин Ю. В. Русская литература в зеркале семиотики. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 344 с.
9. Шмид В. Нарративность и событийность // Современные методы анализа художественного произведения : сборник статей. – Гродно, 2003. – С. 8–17.
10. Ямпольский М. Б. О воображаемом пространстве фильма // Зеркало. Семиотика зеркальности. Вып. 831. – Тарту : Тартуский государственный университет, 1988. – С. 127–145.
11. Aichinger I. Der Gefesselte. Erzählungen I. – Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1991. – 120 S.
12. Deppermann A., Reineke S. Einleitung: Sprache im kommunikativen, interaktiven und kulturellen Kontext // Sprache im kommunikativen, interaktiven und kulturellen Kontext – Berlin : De Gruyter, 2018. – S. 1–4.
13. Gašová Z. Der konzeptuelle Raum des Lexems 'Zeit' im Kontext seiner Attribuierung. – Hamburg : Verlag Dr. Kovač, 2019. – 256 S.
14. Jachnow H. Die Personalität als sprachliche Universale. Funktionen und Formen // Personalität und Person. – 1999. – B. 9. – S. 1–36.

Статья поступила в редакцию 05.03.2021

#### REFERENCES

1. Bahtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo. Raboty 60-h – 70-h gg. // Sobr. soch. : v 7 t. T. 6. – M. : Russkoe slovo, 2002. – 799 s.
2. Derkach A. V., Karaziya N. A., Kuznecov V. V., Plisov E. V., Fyodorov V. V., Hohlova I. N. Tekst kak sociokul'turnyj fenomen. – Petropavlovsk-Kamchatskij : KamGU im. Vitusa Beringa, 2014. – 216 s.
3. Zincova Yu. N., Golubeva N. A. Sociokul'turnyj podhod k ocenke funkcional'nogo potenciala teksta // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova. – 2015. – № 31. – S. 239–242.
4. Zolyan S. T. «Svet moj, zerkal'ce, skazhi ...» (k semiotike volshebnoho zerkala) // Zerkalo. Semiotika zerkal'nosti. Vyp. 831. – Tartu : Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1988. – S. 32–44.
5. Kuz'micheva A. A., Matveeva I. V. Interakciya mezhdru partnerami rechevogo dejstviya v kommunika-tivnom prostranstve sovremennogo nemeckogo yazyka // Kazanskaya nauka. – 2017. – № 2. – S. 47–49.

6. Levin Yu. I. Zerkalo kak potencial'nyj semiotičeskij ob'ekt // Zerkalo. Semiotika zerkal'nosti. Vyp. 831. – Tartu : Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1988. – S. 6–24.
7. Matveeva I. V., Samozhenov S. N. Funkcional'no-semantičeskoe pole lica v sovremennom nemeckom yazyke // Nauchnaya diskussiya: voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov : sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. – N. Novgorod, 2019. – S. 78–81.
8. Shatin Yu. V. Russkaya literatura v zerkale semiotiki. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2015. – 344 s.
9. Shmid V. Narrativnost' i sobytijnost' // Sovremennye metody analiza hudozhestvennogo proizvedeniya : sbornik statej. – Grodno, 2003. – S. 8–17.
10. Yampol'skij M. B. O voobrazhaemom prostranstve fil'ma // Zerkalo. Semiotika zerkal'nosti. Vyp. 831. – Tartu : Tartuskij gosudarstvennyj universitet, 1988. – S. 127–145.
11. Aichinger I. Der Gefesselte. Erzählungen I. – Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1991. – 120 S.
12. Deppermann A., Reineke S. Einleitung: Sprache im kommunikativen, interaktiven und kulturellen Kontext // Sprache im kommunikativen, interaktiven und kulturellen Kontext – Berlin : De Gruyter, 2018. – S. 1–4.
13. Gašová Z. Der konzeptuelle Raum des Lexems 'Zeit' im Kontext seiner Attribuierung. – Hamburg : Verlag Dr. Kovač, 2019. – 256 S.
14. Jachnow H. Die Personalität als sprachliche Universale. Funktionen und Formen // Personalität und Person. – 1999. – B. 9. – S. 1–36.

The article was contributed on March 5, 2021

#### **Сведения об авторах**

*Матвеева Ирина Владимировна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия; e-mail: Iramatweewa@yandex.ru

*Зинцова Юлия Николаевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия; e-mail: zintsova@mail.ru

*Самозенов Сергей Николаевич* – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия; e-mail: sesam2301@yandex.ru

#### **Author information**

*Matveeva, Irina Vladimirovna* – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of German Language, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; e-mail: Iramatweewa@yandex.ru

*Zintsova, Yulia Nikolaevna* – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of German Language, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; e-mail: zintsova@mail.ru

*Samozhenov, Sergey Nikolaevich* – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of German Language, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; e-mail: sesam2301@yandex.ru